

чертами. В связи с этим следует отметить, что фактор гендера приобретает некоторую неоднозначность, нейтральность в произведениях современной немецкой писательницы Ю. Герман.

Список литературы

1. Войченко В.М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре [Электронный ресурс] // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 1(9). С. 64–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otrazhenie-gendernyh-steretipov-v-yazyke-i-kulture> (дата обращения: 15.06.2018).
2. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филол. науки. 2003. № 5. С. 51–56.
3. Коноплева Н.А. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов. М.: Информация – XXI век, 2002.
4. Надолинская Л.Н. Трансформация гендерных отношений: социокультурный анализ. Ростов н/Д.: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2007.
5. Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга / пер. с англ. Д. Таннен. М.: Вече: Персей: АСТ, 1996.
6. Токарева Е.Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2005.
7. Hermann J. Sommerhaus, später. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2003.
8. Hermann J. Hurrikan. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000.

* * *

1. Vojchenko V.M. Otrazhenie gendernyh stereotipov v jazyke i kul'ture [Elektronnyj resurs] // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2009. № 1(9). S. 64–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otrazhenie-gendernyh-steretipov-v-yazyke-i-kulture> (data obrashhenija: 15.06.2018).
2. Kirilina A.V. Razvitie gendernyh issledovanij v lingvistike // Filol. nauki. 2003. № 5. S. 51–56.
3. Konopleva N.A. Gendernye stereotipy // Slovar' gendernyh terminov. M.: Informacija – XXI vek, 2002.
4. Nadolinskaja L.N. Transformacija gendernyh odnoshenij: sociokul'turnyj analiz. Rostov n/D.: Izd-vo Juzhn. fed. un-ta, 2007.
5. Tannen D. Ty menja ne ponimaesh! Pochemu zhenshhiny i muzhchiny ne ponimajut drug druga / per. s angl. D. Tannen. M.: Veche: Persej: AST, 1996.
6. Tokareva E.N. Specifika vyrazhenija ocenki v gendernom diskurse (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashk. gos. un-t, 2005.

Reflection of the gender factor in German female prose of the second half of the 20th century (as applied to works by Y. German)

The article considers the artistic text as a carrier of stereotypical gender characteristics of the characters in a literary work, which makes it possible to obtain information about the changes taking place in modern society. The author studies the problems of written and oral speech behavior of men and women, in which such phenomena as femininity and masculinity are displayed in German literature, namely in female prose of the second half of the 20th century.

Key words: gender stereotypes, German female prose, representation of gender relations in a literary text, communicative situations, peculiarities of speech behavior of men and women.

(Статья поступила в редакцию 18.07.2018)

Н.В. ТИТАРЕНКО
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ (на примере русских и испанских единиц с библейским именем собственным)

Национально-культурная специфика фразеологических единиц русского и испанского языков, содержащих в компонентной структуре библейское имя собственное, рассматривается с точки зрения формирования межъязыковых параллелей.

Ключевые слова: фразеологическая единица, национально-культурная специфика, межъязыковая фразеологическая параллель.

В современной науке не ослабевает интерес лингвистов к фразеологическим единицам. В работах современных и зарубежных исследователей рассматриваются всевозможные категории идиом, их прагмалингвистические характеристики, функционирование в различ-

ных жанрах и стилях, аспекты значения, структура и компонентный анализ и т. д. и т. п. Потенциал исследования фразеологических единиц для языковедов неисчерпаем, и с течением времени, с изменениями самой системы языка, с появлением новых лингвистических парадигм он приобретает новые аспекты и грани.

Несомненный интерес лингвистов вызывает национально-культурная составляющая идиом, поскольку фразеологический фонд любого языка обладает национально-культурной спецификой. Считается, что в разных языках речь идет об одних и тех же денотатах, которые соотносятся с одними и теми же концептами. Реконструкция сигнификативного аспекта зачастую сталкивается со сложностями, выражающимися в разных языках по-разному, что же касается коннотации, то в этом аспекте значения различия выражены наиболее ярко: «Языки отличает культурно-национальная самобытность тех ассоциаций, которые связывают предшествующий опыт с вновь накопленным и отображаемым в понятийно-языковой форме, в частности – в коннотативном компоненте значения» [6, с. 105].

М. Прьето, рассматривая культурную значимость фразеологизмов, замечает, что: «los modismos no son sólo hechos lingüísticos sino también culturales <...> las evocaciones de una palabra en un idioma dependen de la cosa y no de la palabra porque se producen en una comunidad y no en una lengua; es decir que los modismos son, en nuestro caso, los españoles, no sólo del español y ahí radica su éxito» [8, p. 7] (фразеологизмы – это не только лингвистические факты, но и культурные <...> воспроизведение слова в языке зависит от объекта, а не от самого слова, потому что они производятся в сообществе людей, а не только в языке; т. е. фразеологизмы, в нашем случае испанские, являются не только принадлежностью испанского языка, и в этом коренится их успех). Нельзя забывать и о том, что идет непрерывное накопление социально-культурного опыта, который получает отражение в образной системе фразеологического фонда языка. Таким образом, с изменением в значении фразеологизма тесно связаны изменения в жизненных установках, оценках народа, а в центре внимания культурной традиции всегда стоит культурная личность во всем ее многообразии.

Э.М. Солодухо отмечает, что «любое интернациональное фразеологическое образование включает в себе определенные признаки, качества национального, степень “примеси” которых определяет степень качества ин-

тернационального» [5, с. 265]. Интернациональным признается и факт стилистического расслоения фразеологических единиц (ФЕ) в разных языках. Как правило, речь идет либо о стилистически нейтральных единицах, либо о единицах, занимающих особое положение в стилистической системе и имеющих соответствующие пометы в словарях. В данной статье рассмотрены лишь некоторые особенности, которые приобретают испанские ФЕ в сленге.

В отечественной лингвистике нет общепринятого понимания терминов *сленг*, *арго*, *жаргон*, однако наиболее распространенным и широко трактуемым термином является англицизм *сленг*, отсутствующий в испанской научной литературе (*молодежный сленг*, *компьютерный сленг* и т. п.), в то время как термины *арго* и *жаргон* получают более узкое понимание как язык отдельной группы, чаще замкнутой: *воровское арго*, *воровской жаргон*, *жаргон карточный* и т. п. Достаточно широко понимает термин *арго* В.С. Елистратов. Он полагает, что к арго относится любое нарушение норм стандартного языка, причем автор считает его равноправным участником процесса создания литературного языка и культуры [1, с. 16]. Близко подобное понимание трактовке, принятой в испанской лингвистике. Х. Сан-мартин разделяет арго на два типа: el argot de grupo (арго группы) и el argot común (общий арго), который, по ее мнению, синонимичен понятию jerga urbana (городской сленг) и является частью registro coloquial (разговорного языка), используется говорящим «con el fin de conseguir mayor expresividad, intensificar su discurso, ser diferente, o sencillamente, dar unas pinceladas de humor» [9, p. 7] (с целью достичь большей экспрессивности, усилить речевое воздействие, быть другим или просто придать юмористические нотки). Таким образом, в нашем понимании, «сленг» – наиболее широкое понятие, содержащее лексику разговорно маркированную, но не выходящую далеко за рамки литературного языка, соответствующее понятию «общий арго» в испанистике, а термины *арго* и *жаргон* – это, прежде всего, арго группы, т. е. слова, известные узкому кругу людей, использующих их с определенной целью и только в определенных обстоятельствах и условиях общения.

Рассмотрим некоторые особенности ФЕ с компонентом-библейзмом в испанском и русском языках с точки зрения нейтральности или отношения к определенной группе социолектов. В целом библейская символика интернациональна, прежде всего, это имя-символ, во-

круг которого вырастает фразеологическая единица, формируются межъязыковые параллели. Однако у одного и того же библейского имени в разных языках спектр коннотаций и сопутствующих значений может отличаться или вообще отсутствовать, что ведет к различиям и в значении самой единицы, тем более данное утверждение в полной мере справедливо и по отношению к сленгу.

Первая группа: библеизм – имя собственное, формирующее параллель. Прежде всего, здесь важно отметить тот факт, что само имя собственное является символом и существует в языке с закрепленным за ним багажом и характеристиками образа. Например, такое имя, как *Иуда*, в русском языке имеет два значения 1) презр. ‘о предателе’; 2) ‘об очень жадном человеке’. В испанском *Judas* – ‘hombre alevoso, traidor’ (букв. «коварный человек, предатель»). Таким образом, помимо предательства в русской культуре немаловажной признается и крайняя жадность, отсюда еще и наличие фразеологизмов, основанных именно на этом качестве: *продать (как Иуда Христа) за 30 серебряников, жадный как Иуда, продажный как Иуда*. В обоих рассматриваемых языках существует фразеологическая единица *поцелуй Иуды* (рус.) – *beso de Judas* (исп.) со значением ‘предательский поступок, лицемерно прикрываемый проявлением любви, дружбы’. В словаре арго появляется особое значение у слова *Judas*, основанное на его символическом переосмыслении: ‘mirilla de la celda o circuito de control por televisión manejado por los funcionarios para vigilar a los presos’ (букв. «глазок в камере или телевизионная система контроля, управляемая служителями с целью наблюдения за заключенными»). Данное значение задокументировано, однако считается, что подобное метафорическое название может носить любое средство, инструмент, с помощью которого можно донести на преступника, что отражает переосмысление фигуры апостола Иуды как предателя.

Имя Мафусаила, персонажа ветхозаветных преданий, прожившего 969 лет, закреплено в параллели *стар как Мафусаил* (рус.) – *ser más viejo que Matusalén* (исп.) (букв. «быть старше Мафусаила») со значением ‘долгожитель’. В испанском языке зарегистрирована единица молодежного сленга *matusa*, которая является производной от имени *Matusalén* и используется как имя нарицательное по отношению к старому человеку.

Интересно сформировались в разных языках символические переосмысления имени *Адам*. В русском языке компаратив *как Адам*

обычно сопровождается прилагательными *голый, нагой* и т. п., что восходит к библейским сказаниям об Адаме и Еве, которые, живя в раю, были наги и не стыдились своей обнаженности, пока, соблазненные змеем-искусителем, не отведали запретный плод с дерева познания добра и зла. В испанском языке тоже существуют компаративные конструкции подобного типа, основанные на переосмыслении данной библейской легенды *como un adán* ‘un hombre desordenado, descuidado’ (букв. *как адам* ‘оборванец, неряха’). Как видно из приведенных переводов, переосмысление перво-человека и его наготы в испанской лингвокультуре произошло совсем по другому пути. Нагота сменила вектор и стала восприниматься не как открытость и начало всего, а как неорганизованность, неряшливость, иногда лень. Помимо данного компаративного значения в словаре испанского арго слово *Adán* имеет и другой смысл ‘droga, tipo de éxtasis, sintético, de bajo coste’ (наркотик, вид экстази, синтетический, дешевый), что также может найти свою символическую интерпретацию, ведь этот наркотик – один из первых видов дешевой разновидности синтетических наркотиков.

Вторая группа: библеизм – имя собственное, не формирующее параллель. Естественно, наряду с параллельным восприятием тех или иных библейских сюжетов и символи-заций библейских имен в каждом языке существуют и уникальные ФЕ и символы, основанные на них. Несколько таких примеров можно найти и в исследуемых языках. Например, только в русском языке существует ФЕ *Содома и Гоморра* ‘о распущенности, а также крайнем беспорядке, шуме, суматохе’, возникшее на основе библейского мифа о городах в Древней Палестине, которые за грехи жителей были разрушены огненным дождем и землетрясением. Или еще: *Фома неверующий* ‘о человеке, которого трудно заставить поверить чему-либо’, из евангельской истории о том, как один из апостолов Фома, когда ему рассказали о воскресении распятого Христа, заявил, что не поверит в это, пока не увидит сам. В русском языке отмечено три ФЕ, основанные на библейской истории о пророке Валааме и его ослице, которая неожиданно запротестовала человеческим голосом против проклятия народа Израиля: *глупая как валаамова ослица, упрямая как валаамова ослица, кричать как валаамова ослица*. Эти фразеологизмы построены в русском языке «ошибочно», можно сказать, в силу теологической неграмотности носителей языка, которые за основу переосмысления взяли нега-

тивные коннотации слова *осел, ослица* без учета истории, изложенной в библейском тексте.

Только в испанском языке имя Иова, библейского персонажа, которого Бог подверг жесточайшим проверкам, чтобы испытать его веру, образует ФЕ *tener más paciencia que santo Job* 'ser muy paciente' (букв. «иметь больше терпения, чем святой Иов») 'быть очень терпеливым'). Или еще: *el Santo Grial* 'lo más buscado' (букв. «Священный Грааль» 'то, что больше всего ищут') символизирует то, что человек ищет долго и жаждет найти, не обязательно речь идет о чем-то материальном, это может быть история, идея, решение и т. п., что основано на библейском рассказе о священной чаше, из которой пили апостолы и Иисус во время Тайной вечери.

Третья группа: библеизм – имя собственное, формирующее ФЕ в каждом языке, но не формирующее параллель. Конечно, символизация библейского имени в основном универсальна с коннотативными особенностями, со стилистической спецификой и т. п. Однако можно привести примеры некоторого несоответствия полученных на основе такой символизации ФЕ в разных языках. Например, имя библейского персонажа Каина в русском языке фигурирует во фразеологизме *трястись как Каин* 'очень сильно дрожать от страха', что отражает не собственно библейские, а народные представления о Каине как о трусе. В испанском словаре аргос находим такую ФЕ: *pasar las de Caín* 'pasarle muy mal' (букв. «испытывать то, что Каин» 'находиться в трудной (плохой) ситуации'), которая основана на том, что после убийства брата Каин, выгнанный отцом из дома, очень страдал и морально, и физически. Хотя можно также встретить и компаратив *ser más malo que Caín* (букв. «быть хуже Каина»), который подчеркивает не его страдания, а порочную натуру, то, что привело к этому ужасающему поступку.

Имя Магдалины в русском языке явилось базой для появления иронического фразеологизма *кающаяся Магдалина* 'о том, кто жалостливо кается в своих поступках', основанного на евангельской истории о Марии Магдалине, которая была исцелена Иисусом, изгнавшим из нее бесов, и раскаялась в своей развратной жизни, став одной из его верных последовательниц. В испанском же языке компаратив *como una Magdalena* 'para referirse a una persona que llora intensamente' (букв. «как Магдалина» 'о том, кто очень сильно плачет') основан на другой евангельской ситуации, когда Мария Магдалина оплакивала Иисуса после снятия его с креста.

Имя Мария – *María* – в испанском языке считается одним из самых распространенных в силу того, что оно используется очень часто как первое имя для девочки и как второе имя для обоих полов (*María Elena, Ana María, José María, etc.*), для него даже есть специальное сокращение, которое используется при написании – *M^a*. Такая частотность его употребления могла стать причиной достаточно негативной метафоризации этого имени в испанской лингвокультуре. В словаре аргос находим «es una voz despectiva, empleada para referirse a la mujer que realiza las labores propias del ama de casa, de hábitos tradicionales y poco modernos» [9, p. 521] (букв. «презрительное слово по отношению к женщине, которая выполняет традиционную и несовременную работу домохозяйки»). Кроме того, зафиксировано еще несколько интересных значений: у преступников – *caja fuerte requeña* (маленький сейф), у студентов – *asignatura que se argueba con facilidad y sin apenas relevancia* (маловажный предмет, который можно сдать с легкостью).

Особого внимания и рассмотрения заслуживает самое библейское имя, имя Иисуса Христа. При исследовании фразеологических словарей русского и испанского языков обнаружился тот факт, что количественное несоответствие ФЕ, содержащих в своем компонентном составе это имя (*Иисус, Христос, Иисус Христос; Cristo, Jesús, Jesucristo*) очень значительно. В русском языке словари фиксируют 3 ФЕ с именем *Иисус*, две из которых даются с пометой устаревшее, и 2 ФЕ с именем *Христос*, одна из которых имеет такую помету. Это позволяет сказать, что данное библейское имя не было переосмыслено носителями русского языка, может быть, в силу своей значимости или глубокой символизации самого носителя этого имени. В испаноязычных фразеологических словарях зафиксировано 27 ФЕ с именем *Cristo*, 4 с именем *Jesús* и 2 с именем *Jesucristo*. В основном все значения носят междометный характер, выражая различные эмоции (например: *Cristo bendito* (букв. «Христос благословенный» 'междометие выражает восхищение или удивление')), либо в них прослеживается библейский образ (например: *como un Cristo* (букв. «как Христос» 'о том, чей внешний вид вызывает жалость') и т. д.).

Отдельного замечания с точки зрения национально-культурной специфики требуют компаративы с особой структурой, которые характерны только для испанского языка и не встречаются в других даже родственных языках. Единицы подобного рода с причастием *hecho* являются более метафорическими и экс-

прессивно зараженными по сравнению с обычными компаративами. Справедливо это и для фразеологизмов с библейским именем собственным, ср: *hecho un adán – como un adán, hecho una Magdalena, hecho un Cristo* и т. п. Х. Касарес замечает, что «в этих речениях заключено нечто большее, чем простое сравнение. Одно дело быть похожим на что-нибудь, быть как что-нибудь, другое дело превратиться в это что-нибудь» [2, с. 192]. Символизация, которая вложена в библейское имя, в полной мере перекладывается в таких единицах на объект сравнения, не называя его прямо, что отражает национально-культурную специфику этих фразеологизмов.

В заключение отметим, что библейское имя собственное как неотъемлемая часть культурного и исторического наследия народов является смыслообразующим компонентом множества ФЕ, а также основанием для формирования межъязыковых фразеологических параллелей. Символизация библейского имени не лишает содержащие его ФЕ национально-культурной специфики и самобытности, поскольку в каждом языке они приобретают особые коннотативные смыслы, часто являющиеся отражением исторического, духовного и нравственного пути становления и развития общества, говорящего на данном языке.

Список литературы

1. Елистратов В.С. Арго и культура. М.: МГУ, 1995.
2. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
3. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. М., 2005.
4. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения слова // Филол. науки. 1997. № 2. С. 60–65.
5. Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
7. Diccionario Fraseológico Documentado del Español Actual. Madrid, 2004.
8. Prieto M. Hablando en plata (de modismos y metáforas culturales). Madrid, 2006.
9. Sanmartín Sáez J. Diccionario de argot. Madrid, 2006.

* * *

1. Elistratov V.S. Argo i kul'tura. M.: MGU, 1995.
2. Kasares H. Vvedenie v sovremennuju leksikografiju. M.: Izd-vo inostr. lit., 1958.
3. Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologičeskij slovar' / pod red. V.M. Mokienko. M., 2005.

4. Solodub Ju.P. Struktura leksičeskogo značeniya slova // Filol. nauki. 1997. № 2. S. 60–65.

5. Soloduhо Je.M. Teorija frazeologičeskogo sblizhenija. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1989.

6. Teliya V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic. M.: Nauka, 1986.

On national and cultural specificity of interlanguage phraseological parallels (as applied to Russian and Spanish units containing biblical proper names)

The article deals with the national and cultural specificity of the phraseological units of the Russian and Spanish languages, which contain biblical proper names in their component structure. The authors consider the problem in terms of forming interlanguage parallels.

Key words: *phraseological unit, national and cultural specificity, interlanguage phraseological parallel.*

(Статья поступила в редакцию 10.09.2018)

Н.Н. КОТЕЛЬНИКОВА, О.А. ЛЕОНТОВИЧ
(Волгоград)

МЕТАМОРФОЗЫ КИТАЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМИОТИКИ*

С позиций медиаурбанистики город трактуется как сложная коммуникативная система, находящая отражение в вербальных и невербальных семиотических знаках. Анализ китайской городской семиотики позволяет проследить динамические изменения, связанные с социальными процессами в китайском обществе, и выявить их национально-культурную специфику.

Ключевые слова: *медиаурбанистика, Китай, коммуникативная система, городская семиотика, цивилизация, городские надписи.*

Город, трактуемый как сложная коммуникативная система, привлекает к себе внимание социологов, политологов, лингвистов, специалистов по теории коммуникации и т. д., интересы которых в западной науке объедине-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.